

Братья обрадовались и, надеясь, что после вражды и неприятностей вновь, как блудного сына, обретут своего брата, с честью отпустили его в Ригу и восстановили в общественных правах. Он однако лишь недолго оставался в среде братьев, подобно Иуде или волку среди овец, едва скрывая лживость своего раскаяния и выжидая удобного дня, чтобы насытить злобу своего сердца. И случилось так: в один праздничный день, когда прочие братья с другими людьми пошли в монастырь, он между тем, пригласив к себе магистра рыцарей и священника их Иоанна, под предлогом сообщения им своей тайны, наверху в своем доме нанес вдруг секирой, которую по обыкновению всегда носил с собой, удар в голову магистру и тут же вместе с ним обезглавил и умертвил священника. Об этом стало известно другим братьям; они настигли его в капелле, куда он бежал из дома, схватили и, осудив гражданским судом, по заслугам предали жестокой смерти. Похоронив с великим горем своего верного и благочестивого магистра Венно со священником, поставили на его место не менее благочестивого, ласкового и полного всяких достоинств Волквина. С тех пор он и в присутствии и в отсутствии епископа предводительствовал и правил войском во всех походах, с радостью бился в битвах Господних и не раз ходил к окрестным язычникам. И помогали ему все братья его, а помощь и победа Господа всегда были с ними.

Со смертью в том же году Эггельберта, настоятеля церкви Святой Марии, епископ взял из Схедской обители Иоанна, человека кроткого, сдержанного и осмотрительного во всех своих действиях, поставил его на место брата своего, достопочтенного настоятеля, и поручил его управлению церковью Св. Марии. Так как этот Иоанн, принадлежа к уставу и ордену св. Августина, носил белую одежду, справедливо обозначающую чистоту, то епископ утвердил для всех эту одежду, заменив черные платья и капюшоны каноников той же церкви белыми. Так как еще не исчезла и внутри и вне города боязнь язычников, эта обитель помещалась в пределах первого города, в церкви, первоначально построенной; после пожара этой церкви и города стали строить церковь Св. Марии у Двины вне городских стен и там поселились.

Пилигримы же этого года готовы были послушно участвовать в работах по надстройке стены и в других, где могли служить Богу.

Так как близились осенние дни, епископ, неизменно озабоченный развитием и защитой ливонской церкви, собрал на совет разумнейших из своих и внимательно обсудил с ними, каким образом избавить молодую церковь от козней литовцев и русских. Вспомнив все зло, причиненное королем Герцикэ, вместе с литовцами, городу Риге, ливам и лэттам, решили идти войной против врагов рода христианского. Ибо король Всеволод (Vissewalde) из Герцикэ всегда был врагом христианского рода, а более всего латинян. Он был женат на дочери одного из наиболее могущественных литовцев и, будучи, как зять его, для них почти своим, связанный с ними сверх того и дружбой, часто предводительствовал их войсками, облегчал им переправу через Двину и снабжал их съестными припасами, шли ли они на Руссию, Ливонию или Эстонию. Власть литовская до такой степени тяготела тогда надо всеми жившими в тех землях племенами, что лишь немногие решались жить в своих деревушках, а больше всех боялись лэтты. Эти, покидая свои дома, постоянно скрывались в темных лесных трущобах, да и так не могли спастись, потому что литовцы, устраивая засады по лесам, постоянно ловили их, одних убивали, других уводили в плен, а имущество все отнимали.

Бежали и русские по лесам и деревням пред лицом даже немногих литовцев, как бегут зайцы пред охотником, и были ливы и лэтты кормом и пищей литовцев, подобно овцам без пастыря в пасти волчьей.